

ПРИРОДА НИТЕЙ ШНУРА И СЕТКИ-ПЛЕТЕНКИ НА ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКЕ ПРИБАЙКАЛЬЯ: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

© Д.Е. Кичигин

Среди керамических комплексов Прибайкалья, характеризующих в основном неолит и эпоху палеометалла, особый интерес представляют сосуды с оттисками сетки-плетенки и шнура на внешней поверхности. За прошедшие годы разными исследователями не раз высказывались точки зрения на формовку емкостей этих комплексов, однако вопрос природы нитей, составляющих сетчатые и шнуровые структуры, специально не разрабатывался. В связи с этим возникла идея – хотя бы поверхностно, на первом этапе – рассмотреть материалы этнографии на предмет выявления практичных природных материалов, используемых коренными народами Сибири для изготовления подобных структур. В результате исследования выяснилось, что наиболее популярными для производства всевозможных сеток и шнуров были крапива (или конопля), конский волос и сухожилия.

Ключевые слова: Сибирь, Прибайкалье, этнография, археология, ранний неолит, поздний бронзовый – ранний железный век, керамика с оттисками сетки-плетенки, керамика с оттисками шнура, конский волос, крапива, сухожилия.

NATURE OF CORD AND NET THREADS ON ANCIENT POTTERY OF BAIKAL REGION: ETHNOGRAPHIC PARALLELS

© D.E. Kichigin

Among the Neolithic and the Late Bronze – Early Iron Age ceramic complexes of the Baikal region the special interest is concerned on vessels with imprints of net and cord on their outer surface. Over the years various researchers have repeatedly expressed the points of view on forming the vessels of these complexes. However, question of nature of the threads that make up the net and cord structures imprinted on the surface of ancient pottery is not specifically developed. In this regard it come in sight the idea to examine the materials of ethnography with the aim to identify practical natural materials used by the indigenous peoples of Siberia for manufacturing of such structures. The study found that the most popular materials for such production of all kinds of nets and cords were nettle (or hemp), horse hair and tendons.

Keywords: Siberia, Baikal region, ethnography, archeology, Early Neolithic, Late Bronze – Early Iron Age, net-impressed pottery, pottery with cord imprints, horse hair, nettle, tendons

Введение

Среди ярких керамических традиций Прибайкалья, характеризующих в основном поздний этап каменного века, особый интерес представляют комплексы «сетчатой» и «шнуровой» керамики, именуемые так по специфическому техническому декору, который отчетливо прослеживается в рельефе внешней поверхности сосудов. Для первого из них характерны отпечатки так называемой сетки-плетенки, для второго – оттиски крученной или витой тоненькой

веревки, попросту шнура. При этом применение древними гончарами этих структур имело особую целесообразность, они, так или иначе, участвовали в формовке емкостей.

Керамика с оттисками сетки-плетенки сегодня является самой ранней в регионе (около 8–7 тыс. л. н.¹), отмечена в материалах неолитических погребений и ряда раз-

¹ Здесь и далее приводится некалиброванный возраст.

новременных стоянок. Выделение различных типов керамики в «сетчатом» комплексе раннего неолита Прибайкалья на сегодняшний день следует считать все-таки слабо разработанной проблемой: нет четкого понимания типобразующих признаков, очевидно, не решенным остается вопрос корреляции керамических материалов из погребальных и стояночных комплексов. На этом фоне наиболее выразительной выглядит «сетчатая» **керамика аплинского типа** позднего неолита Верхнего Приангарья (5,0 (5,5)–4,0 тыс. л. н.). Оттиски сетки-плетенки, но уже в качестве нехарактерного признака, отмечены также и на керамике усть-бельского типа (6,6–4,1 тыс. л. н.) Прибайкалья (Савельев, 1989; Бердников, 2013; Бердников, Лохов, 2013).

Не вдаваясь в вопросы профилировки емкостей, орнаментации сосудов, региональных и временных различий, остановимся пока на характере отпечатков на внешних стенках емкостей. Это мелкоячеистая сетка, связанная из тонких нитей, с крупными узелками. Условно можно выделить три доступные археологу качественные формы: хорошо читаемая сетчатая структура (ячеистая поверхность в виде емкости-сумки), слабо читаемая сетчатая структура (аморфная ячеистая поверхность) и сетчато не читаемая структура (ямочно-узелковая «оспинковая» поверхность). Последняя, возможно, является результатом наложения сетки в несколько слоев.

Керамика с оттисками шнура в Прибайкалье отмечена в материалах стояночных и погребальных комплексов и представлена двумя разновременными типами керамики, характеризующими ранний неолит (7,8–6,5 тыс. л. н.) – **керамика хайтинского типа**, и период позднего бронзового – раннего железного веков (3,1–2,1 тыс. л. н.) – **керамика сеногдинского типа** (тышкинэйского – по О.И. Горюновой) (Савельев, 1989; Бердников, 2013; Харинский, 2005).

При этом оттиски шнура на сосудах обоих типов, как правило, однообразны, и, на первый взгляд, отдельные фрагменты тулова без какой-либо дополнительной орнаментации могут быть отнесены исследователями как к первому, так и ко второму

типу керамики. Направленность оттисков на поверхности сосудов различна: для емкостей хайтинского типа преобладает вертикальное расположение оттисков относительно оси горшка, для емкостей сеногдинского типа – в большинстве случаев разнонаправленное расположение с отчетливым наложением друг на друга (результат выбивки). На некоторых сосудах второго типа в отдельных случаях отмечаются оттиски более крупного шнура, зачастую интерпретируемого как «толстого».

Ранее свои рассуждения, нередко подкрепленные результатами экспериментальных работ, относительно формовки «сетчатых» и «шнуровых» сосудов высказывали Н.Н. Агапитов (1882), Н.Н. Бортвин (1915), Б.Э. Петри (1916, 1926) А.П. Окладников (1950), Л.П. Хлобыстин (1964), В.В. Свинин (2000), Н.А. Савельев (Игумнова, Савельев, Спиридонова, 2005) и др. При этом вопрос природы нитей, составляющих сетчатые и шнуровые структуры на древней керамике, как правило, специально не разрабатывался. Однако, надо отдать должное, ближе всего к пониманию этой проблемы подошел В.В. Свинин.

В своей работе «Исследования древней керамики Прибайкалья», опубликованной в 2000 г. как результат обобщения различных концепций и взглядов на формовку прибайкальской керамики в комплексе с авторскими экспериментальными работами, В.В. Свинин пришел к выводу, что наиболее подходящими для изготовления сетки-плетенки и шнура являются жильные нити. Все остальные материалы, участвующие в его экспериментах, а в частности шерстяные нити, для этой цели не подходят.

Так возникла идея разработать этот вопрос более тщательно, опираясь, прежде всего, на обобщенный, накопленный за прошедшее время, этнографический материал. В самом начале работы автор настоящей статьи ставил перед собой несколько задач, представленных в конечном итоге конкретными результатами. В первых, стояла задача вывести оттиски нитей шнура и сетки-плетенки на древней керамике Прибайкалья в качестве маркера культурной общности (к примеру, изготовлялся тот или иной горшок насельниками

тайги или степи). Во-вторых, – выявить наиболее подходящие для изготовления интересных нас структур природные материалы, которые впоследствии могли бы участвовать в экспериментальных работах.

Целью настоящей статьи является рассмотрение материалов этнографии Сибири и выявление природных материалов, наиболее подходящих для изготовления практических сетчатых и шнуровых структур, подобных тем, что мы фиксируем в оттисках на древней керамике Прибайкалья.

Наши рассуждения строятся на нескольких основных принципах:

Принцип первый (рационализация времени). Структуры, которые фиксирует археолог на древней керамике Прибайкалья, выраженные в оттисках сетки-плетенки и шнура на внешних стенках сосудов, маловероятно, что были специально изготовлены только для производства керамических емкостей. Скорее всего, эти структуры (в аналогичных формах) были хорошо известны древним насельникам региона и использовались ими в других сферах хозяйственной деятельности (например, как технические средства в охоте, рыболовстве и собирательстве). Иначе процесс изготовления горшка становился бы более трудоемким.

Принцип второй (показатель качества). Надо полагать, что природный материал, из которого вязалась сетка-плетенка и изготовлялся шнур, должен был обладать двумя основными качественными характеристиками – он должен был быть крепким, с одной стороны, и влагостойким, с другой стороны. В противном случае работа с влажным керамическим тестом была бы прерывиста ввиду непрочных структур (сетка-плетенка и шнур), участвующих в формовке емкости.

Принцип третий (возможность сопоставления). Природные материалы и производные от них структуры, отмечаемые нами на «сетчатой» и «шнуровой» керамике Прибайкалья в эпоху неолита и палеометалла, не должны сильно разниться с таковыми, которые мы прослеживаем по этнографическим данным, поскольку само понятие «традиционное общество» предполагает приверженность самым оптимальным решениям, достигнутым в процессе

адаптации к той или иной природной среде на протяжении длительного периода времени. Надо признать, что те или иные решения или предпочтения апробированы тысячелетиями.

Методика

Исходя из этих основных принципов, обозначенных выше, и была поставлена цель рассмотреть, хотя бы поверхностно, природные материалы, используемые коренными народами Сибири для изготовления если даже и не однотипных структур, то хотя бы похожих. Основной упор при этом делался на своеобразие технических средств, применяемых или задействованных в охоте, рыболовстве и собирательстве, включенных, так или иначе, в состав любого хозяйственно-культурного типа.

Учитывая специфику байкальского региона, который характеризуется различными ландшафтами, порождающими соответственно и разные виды адаптации (таежная, горно-таежная, степная, лесостепная и морская), было решено задействовать этнографические материалы большинства коренных народов Сибири, а не только граничащих с Прибайкальем территорий. В основном, конечно, прорабатывались коллективные монографии, обобщающие многолетние всесторонние исследования тех или иных этносов, во вторую очередь – авторские труды и статьи по хозяйственной деятельности и материальной культуре.

Основной таблице предшествовала так называемая «таблица ссылок» (рис. 1), куда выписывались цитаты из источников, содержащие информацию об использовании конкретных природных материалов в изготовлении тех или иных технических средств (веревки, сети и т. д.), их заготовке и способах получения интересных нас структур. Так формировалось представление о наиболее популярных и используемых в хозяйстве коренных народов Сибири природных материалах.

Природа последних определила две основные группы: волокна (или элементы) *растительного* и *животного* происхождения. В первую вошли: крапива, конопля, кендырь, кора и корни деревьев, во вторую – конский волос, кожа копытного и морско-

№	Этнос	Сетчатые структуры	Шнуровые структуры	Источник
		покупали у русских казаков или плели из конского волоса сами». <i>С. 166.</i> «Материалом для вязки сетей в начале XX в. служили покупные нитки, до появления в районе торговцев сети вязали из крапивы. Чтобы сеть была в воде менее заметной, ее отваривали в котле с мелко настроганной листовенной корой, после чего она приобретала красноватый цвет».	крапивы и конопля <i>оното</i> ». <i>С. 220.</i> «... мауты стали делать из подшейной части кожи дикого оленя (согжоя). Из сырой кожи спирально нарезают ремennую полоску шириной примерно 2 см. Зафиксируют один конец ремня, его начинают скручивать и растягивать. Слегка подсушив ремень, скручивание повторяют до тех пор, пока между скрутками не останется свободного пространства. После окончательной растяжки и просушки маут ровняют ножом. Добыть дикого оленя удается далеко не всегда, поэтому мауты делают также из кожи сохатого, но, намокнув, они становятся тяжелыми и жесткими.	<i>История и культура дальневосточных эвенков: историко-этнографические очерки / Отв. ред. В.А. Тураев; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. СПб: Наука, 2010. 334 с.</i>
2.	Буряты	<i>С. 120.</i> «Ольхонские буряты сами плели сети для рыб (сур), различавшиеся по назначению: для ловли омуля, хариуса и сига, сети из конского волоса для охоты на нерпу (сурьма) и невода (зубиур). Вязали их обычно женщины крючком, используя специальные шаблоны...»	<i>С. 153.</i> «Шили конопляной ниткой (ултэнэг). Крепкие нитки изготавливали из сухожилий: сухожильные волокна растирали на левой ладони, правой ладонью проводили к себе поверх этих нитей так, что нити свивались между собой»	<i>Буряты / Отв. ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2004. 633 с.</i>
3.	Якуты	<i>С. 153.</i> «Ловили рыбу на озерах и небольших речках, в основном неводами, волосяными и конопляными сетями, вершами и мордами».	<i>С. 179.</i> «... узоры на тальниковых ободках нашивали черными нитками, из ссученного конского волоса».	<i>Якуты (Саха) / ... М.: Наука, 2012. 599 с.</i>
4.	Якуты	<i>С. 288.</i> «Якуты всегда предпочитают единоличным способом рыбной ловли: сети, верши, крючья. Неводами «миром» исключительно ловят они карасей, по льду осенью и весной. На реках и летом отдают предпочтение сетям. Якутские волосяные сети и неводы отличаются от русских работой. Формы те же. Волосяной невод сшивается из волосяных тесемок; сети вяжутся из тонких небольших, в длину волоса, бечевек, состоящих из 2–5 конских, слабо ссученных волос. Они очень похожи на соёские	<i>С. 289.</i> «Поплавки к сетям делают якуты из свернутой в трубочку бересты грузила из плоских камешков, подвешенных внутри кружка из гибкого древесного корня» Там же. «Веревки, тяжи, клячи к рыболовным снастям выделяются из худших сортов конского волоса, иногда с добавкой коровьей шерсти, также из пакли, даже из тальничного лыка [10]».	<i>Серовский. В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М., 1993. 736 с.</i>

Рис. 1. Фрагмент таблицы ссылок
Fig. 1. Fragment of the table of references

го животного, сухожилия и рыба кожа. В таблице не учтены и преднамеренно опущены специфические, не характерные для Прибайкалья, и редкие, отмечаемые единожды, природные материалы, такие как морские водоросли (алеуты), сухожилия и кишки белухи (коряки, нивхи и др.), китовый ус (чукчи, эскимосы и др.), плавательный пузырь нельмы (ульчи) и т. д. (Смоляк, 1966; Народы Северо-Востока Сибири, 2010).

Список коренных народов Сибири формировался в алфавитном порядке согласно последней переписи в Российской Федерации (2010 г.). При всем желании выделить территориальные или языковые группы, что, возможно, было бы более правильно и иллюстративно – сделать этого не получилось. Все попытки каждый раз приводили к спорным моментам, вытекающим из различных дискуссий по поводу отнесения тех или иных этносов к конкретным классификационным группам (к примеру, *тофалары* – этнос Саяно-Алтайского региона, Южной или Восточной Сибири?).

Для заполнения таблицы использовались два основных символа, обозначающих категории технических средств: шнуровые // и сетчатые XXXXX структуры. В первую вошли всевозможные шнуры и веревки, петли и силки, арканы, тетивы и т. п. Во вторую – рыболовные сети и невода, охот-

ничьи сетки и сетные емкости для сбора корней. В случае отсутствия возможности проверки или сомнения в отношении информации по конкретному этносу (допустим «А»), полученной из источника, посвященного другому этносу (допустим «Б»), тот или иной символ ставился в соответствующую клетку (этноса «А») более светлым, как бы прозрачным. К примеру, В.Л. Серовский, описывая изготовление сетей якутами, указывал на то, что «они очень похожи на соёские волосяные сети» (1993. С. 288).

В конечном итоге надо признать, что таблица, конечно же, не может выступать в качестве эталона знания, но в качестве инструмента понимания согласно цели исследования – да. В полном законченном виде ее может представить только этнограф, а не археолог (нужно сделать скидку). Задача последнего – поверхностно рассмотреть основные природные материалы для изготовления сеток и шнуров и выделить среди них наиболее подходящие для проведения экспериментальных работ – она вполне отвечает.

Волокна (или элементы) растительного происхождения

В этой категории выделено пять основных природных материалов, пригодных для изготовления сетчатых и шнуровых струк-

тур. Их анализ приводится по порядку, в зависимости от степени популярности: *кендырь*, *кора* и *корни деревьев*, *конопля* и *крапива* (табл.).

Кендырь (Arosunpit). Упоминается как материал для вязки рыболовных сетей наряду с конским волосом и крапивой у народов юга Западной Сибири: сибирских татар, шорцев и тубаларов (Тюркские народы Сибири, 2006. С. 259; Бельгибаев, 2005. С. 71).

Кора деревьев. Как сшивной и перевязочный материал отмечается не так часто, используется в двух формах: лоскутной (не скрученной) и шнуровой (скрученной). В одном случае отмечено изготовление из него части сети, предназначенной для ловли ластоногих (История и культура ительменов, 1990. С. 43).

В основном упоминается черемуховое (*sarga*) и тальниковое лыко, которым обвязывались сетные грузила, укреплялись луки, сшивались берестяные емкости и т. д. В шнуровой форме этот материал использовался для изготовления различных по толщине и назначению веревок – в частности для тетивы лука и рыболовных сетей (Смоляк, 1966. С. 46; Серошевский, 1993. С. 289; История и культура орочей, 2001. С. 52; Народы Западной Сибири, 2005. С. 319, 323, 654; Тюркские народы Сибири, 2006. С. 150–151, 260).

Заготовка и последующее использование материала происходили по-разному. Ульчи, к примеру, заготавливали тальниковую кору в конце мая – начале июня, при этом «для изготовления веревок применялись мотовила *макты* – вращающаяся на стержне рамка, из четырех планок» (Смоляк, 1966. С. 46). Шорцы (как и чулымцы) запасались черемуховой корой в зимнее время, срезая «... ленты с прутьев ножом...», хранили этот материал «... свернутым в кольцо, при использовании заваривали кипятком, что возвращало *sarge* гибкость и эластичность» (Тюркские народы Сибири, 2006. С. 260).

Корни деревьев. По этнографическим сведениям как сшивной и перевязочный материал упоминается редко. Однако, надо полагать, как самый простой в добыче, не требующий особых подготовительных работ, возможно, использовался большим ко-

личеством коренных народов Сибири, нежели это демонстрирует таблица (История и культура удэгейцев, 1989. С. 40; История и культура коряков, 1993. С. 93; Народы Западной Сибири, 2005. С. 243, 322; История и культура дальневосточных эвенков, 2010. С. 218; История и культура негидальцев, 2013. С. 89).

В основном использовались мелкие корни тальника, черемухи, лиственницы, кедра и ели, при этом не только как перевязочный или сшивной (в поделках из бересты), но и поделочный материал (плетение всевозможных емкостей). Использование его в шнуровой форме отмечено нами дважды: у селькупов – в качестве рыболовной лесы и у тувинцев-тоджинцев – в качестве веревки, используемой при отлове медведя (Народы Западной Сибири, 2005. С. 322; Доржа, 2008. С. 443).

Конопля (Cannabis). По всем своим характеристикам – структуре, качеству, назначению и популярности среди материалов растительного происхождения – ничем не уступает крапиве, что наглядно демонстрирует таблица. Зачастую эти два растения упоминаются в связке «... из крапивы или конопли», когда речь идет, к примеру, о вязке сетей, изготовлении тетивы лука и т. д. Поэтому приводить отдельную характеристику этого материала не совсем целесообразно.

Для автора статьи остаются открытыми несколько вопросов, и они требуют отдельного рассмотрения. Всегда ли в традиционном хозяйстве народов Сибири так широко использовалась конопля? Не стал ли этот природный материал более популярным с приходом русских, для которых конопля исторически являлась технической (пенька), ткацкой (ткань) и пищевой (масло) растительной культурой? Рассуждения автора на этот счет заведомо опускаются, поскольку они выходят за рамки настоящего исследования.

Крапива (Urtica). Является весьма распространенным сшивным, вязальным и в отдельных случаях ткацким материалом для большинства народов Сибири, за исключением некоторых северных этносов (эскимосы, ненцы, энцы, нганасаны, керекы и т. д.), для которых он был редкостью и в

Таблица (Table)

**Природные материалы, используемые коренными народами Сибири
для изготовления сетчатых и шнуровых структур, задействованных в охоте,
рыболовстве и собирательстве**

**Natural materials used by the indigenous peoples of Siberia
for the manufacture of net and the cord structures involved in hunting, fishing and gathering**

№	Этнос / Материал (Ethnos / Material)	Волокна (или элементы) растительного происхождения (Fibers (or elements) of vegetable)					Волокна (или элементы) животного происхождения (Fibers (or elements) of animal origin)				
		Крупица (Nettle)	Конопля (Hemp)	Кедровый (dogbane)	Кора деревьев (Bark of trees)	Корни деревьев (roots of trees)	Конский волос (Horse Hair)	Кожа копытного животного (Leather ungulate)	Сухожилия (Tendons)	Кожа морского животного (Leather of seal)	Кожа Рыб (Fish Leather)
1.	Айны (Aines)	/// XX	-	-	-	-	-	-	-	-	////
2.	Алеуты (Aleutes)	-	-	-	-	-	-	-	/// XX	-	-
3.	Алтайцы (Altaians)	-	-	-	-	-	-	////	////	-	-
4.	Буряты (Buryats)	-	////	-	-	-	/// XX	////	////	-	-
5.	Долганы (Dolgans)	-	-	-	-	-	-	////	////	-	-
6.	Ительмены (Itel'mens)	/// XX	-	-	/// XX	-	-	-	////	XXX	-
7.	Кеты (Kets)	XXX	/// XX	-	////	-	-	-	////	-	-
8.	Кереки (Kereks)	/// XX	-	-	-	-	-	-	XXX	-	-
9.	Коряки (Koryaks)	XXX	-	-	-	////	-	////	/// XX	-	-
10.	Кумандинцы (Kumandinces)	////	////	////	////	-	////	-	-	-	-
11.	Манси (Mansi)	/// XX	XXX	-	-	////	/// XX	-	-	-	-
12.	Нанайцы (Nanai)	-	-	-	-	-	-	-	////	-	////
13.	Нганасаны (Nganasans)	-	-	-	-	-	-	////	XXX	-	-
14.	Негидальцы (Negidals)	////	XXX	-	-	////	////	-	////	////	-
15.	Ненцы (Nentsy)	-	-	-	-	-	-	////	////	-	-
16.	Нивхи (Nivhi)	/// XX	-	-	////	-	-	-	////	////	////
17.	Ороки (Oroki)	////	-	-	-	-	-	-	////	-	////
18.	Орочи (Orochi)	/// XX	-	-	////	-	////	-	////	-	////
19.	Селькупы (Sel'kups)	/// XX	-	-	////	////	-	////	////	-	-
20.	Сойоты (Soyots)	-	-	-	-	-	XXX	////	-	-	-
21.	Татары сибир. (Tatarsians Sibirians)	-	-	XXX	////	-	-	-	////	-	-
22.	Теленгиты (Telengits)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
23.	Телеуты (Teleuts)	-	-	-	-	-	-	////	-	-	-
24.	Тофалары (Tofalars)	-	-	-	-	////	////	-	/// XX	-	-
25.	Тубалары (Tubalars)	-	-	XXX	-	-	-	-	-	-	-
26.	Тувинцы-скотов. (Tuvinians-nomads)	////	/// XX	-	////	////	/// XX	////	////	-	////
27.	Тувинцы-оленьев. (Tuvinians – reindeer holders)	-	////	-	-	////	////	////	/// XX	-	-
28.	Удэгейцы (Udege)	/// XX	////	-	-	////	-	-	////	-	////
29.	Ульчи (Ul'chi)	/// XX	/// XX	-	////	////	////	-	////	////	////
30.	Хакасы (Khakas)	////	////	-	-	-	////	////	////	-	-
31.	Ханты (Khanty)	/// XX	////	-	-	-	-	-	////	-	-
32.	Челканцы (Chelkans)	////	////	////	-	-	////	-	-	-	-
33.	Чуванцы (Chuvans)	-	-	-	-	////	-	/// XX	-	-	-
34.	Чукчи (Chukchi)	-	-	-	-	-	-	-	////	/// XX	-
35.	Чулымцы (Chulym)	/// XX	/// XX	-	////	-	////	////	////	-	-
36.	Шорцы (Shorces)	/// XX	////	XXX	////	-	/// XX	-	-	-	-
37.	Эвенки (Evenks)	/// XX	////	-	-	////	XXX	////	////	-	////
38.	Эвены (Evens)	-	-	-	-	-	XXX	////	////	-	-
39.	Энцы (Entsy)	-	XXX	-	-	-	-	/// XX	////	-	-
40.	Эскимосы (Escimo)	-	-	-	-	-	-	-	////	////	-
41.	Юкагиры (Yukagirs)	-	-	-	-	-	XXX	-	XXX	-	-
42.	Якуты (Yakuts)	-	XXX	-	////	////	/// XX	////	////	-	////

Условные обозначения:

////// – шнуровые структуры (тетивы для лука и самострела, арканы, охотничьи петли, силки и т. п.);

XXX – сетчатые структуры (рыболовные сети и невода, охотничьи сетки, сетчатые сумки для кореньев и т. п.)

Symbols:

////// – cord-structures (string to the bow and crossbow, arcane, hunting loop snares etc.)

XXX – net-structures (fishing nets and seines, hunting nets, mesh bags for the picking up of roots etc.)

основном выменивался у южных соседей (Леонтьев, 1983. С. 22; Тюркские народы Сибири, 2006. С. 269; Народы Западной Сибири, 2005. С. 501, 562).

Из ниток, получаемых из крапивного волокна, вязались рыболовные сети и невода, плелась леска для удилица, изготавливались тетива для лука или самострела, ткалась ткань; крапивными нитками сшивали изделия из кожи, бересты и т. п.

Заготовкой крапивы, получением из нее волокна и прядением ниток в основном занимались женщины, за редким исключением это делали мужчины. Запасалось сырье обычно осенью, все остальные работы осуществлялись в зимнее время. Сначала крапивные стебли срезали ножом или вырывали вместе с корнями, связывали в пучки и сушили либо в тени (под крышей, на предамбарье), либо на солнце. Впоследствии размачивали деревянными колодушками, толкли в деревянных ступах, долгое время вымачивали в воде или кипятили. После просушки волокна можно было приступать к изготовлению нитей и веревок, которые получали двумя основными способами: сучением ладонью на бедре или колене, а также с помощью веретена (Смоляк, 1966. С. 44, 46; Народы Западной Сибири, 2005. С. 341; Тюркские народы Сибири, 2006. С. 150–151, 269; Народы Северо-Востока Сибири, 2010. С. 84).

Примечательно, что в отличие от других материалов веревки и сети из крапивного (и конопляного) волокна нередко дополнительно обрабатывались: пропитывались смолой (селькупы), животной кровью (орочи) и вываривались с лиственничной корой (эвенки, якуты). Целью последней операции обычно называют изменение цвета – сети становятся менее заметными для рыбы в мутной воде (Серошевский, 1993. С. 288; История и культура орочей, 2001. С. 47; Народы Западной Сибири, 2005. С. 323; История и культура дальневосточных эвенков, 2010. С. 166).

Однако есть и более простое объяснение всем этим операциям – их проведение было обусловлено необходимостью придания крапивным и конопляным структурам большей прочности и влагостойкости. Таким образом, ранее высказанное нами

предположение о пропитки шнуровых нитей влагоотталкивающим веществом отчасти находит свое подтверждение (Кичигин, 2014. С. 33).

Волокна (или элементы) животного происхождения

В этой категории выделено также пять основных природных материалов, используемых народами Сибири для изготовления сетчатых и шнуровых структур. Последовательность изложения та же – по степени популярности: *кожа рыб, кожа морского и копытного животного, конский волос и сухожилия животных* (см. табл.).

Кожа рыб. Материал, получаемый из кожи промысловых (кета, горбуша и т. п.) и частиковых (таймень, щука и т. п.) рыб, широко использовался в основном народами Восточной Сибири и Дальнего Востока для изготовления одежды и обуви, парусины, покрывал и всевозможной утвари (Народы Сибири, 1956; Смоляк, 1966; История и культура удэгейцев, 1989; История и культура орочей, 2001; Народы Северо-Востока Сибири, 2010; История и культура дальневосточных эвенков, 2010; История и культура негидальцев, 2013).

Как сшивной материал отмечается не так часто. Удэгейцы, к примеру, использовали только кожу кеты, которую снимали костяным ножом с пойманной рыбы, хорошо ее очищали, а затем «... острым металлическим ножом разрезали на тоненькие полоски и сушили их в тени; после небольшой обминки они использовались в качестве ниток», которыми и «... шили одежду, обувь и другие вещи из рыбьей кожи» (История и культура удэгейцев, 1989. С. 39–40).

Отдельно стоит отметить использование кожи тайменя в качестве гидроизоляционного материала у тувинцев-степняков, которым они обертывали луки, конские узды и недоуздки – такие изделия служили хозяину гораздо дольше обычных. Использовался этот материал как в лоскутной, так и шнуровой формах (Даржа, 2008. С. 31–32).

Кожа морского животного. Естественно, что этот материал, прежде всего, был доступен и широко использовался на-

родами приморской адаптации (чукчи, эскимосы, ительмены и др.), в отдельных случаях в результате обмена попадал к соседям. Изготавливаемые из кожи ластиковых ремни и веревки использовались практически во всех сферах хозяйства. В шнуровой форме отмечены арканы для гарпунов, тетивы для лука и самострела и т. п. (Смоляк, 1966; История и культура ительменов, 1990; Народы Северо-Востока Сибири, 2010; История и культура негидальцев, 2013).

Кожа копытного животного. Является общедоступным материалом для всех народов Сибири. Ремни, получаемые из кожи копытных, также широко использовались во всех сферах хозяйства. Однако шнуровые и сетчатые структуры из этого материала отмечаются не всегда. Среди упомянутых в литературе, к примеру, эвенкийские мауты, энецкие сети и др. (История и культура эвенов, 1997; Народы Западной Сибири, 2005; Даржа, 2008; История и культура дальневосточных эвенков, 2010; Народы Северо-Востока Сибири, 2010).

Конский волос. Является достаточно распространенным сшивным, перевязочным и вязальным материалом, используемым не только скотоводами, но и теми народами, у которых коневодство не являлось основной отраслью хозяйства (эвены, юкагиры, нивхи и др.). Последними этот материал приобретался в результате обмена с соседями (История и культура эвенов, 1997. С. 70; Народы Северо-Востока Сибири, 2010).

Из конского волоса вязались сети и невода (буряты, якуты, эвенки, эвены, юкагиры, шорцы и др.), изготавливались арканы, поводья и вожжи для лошади, охотничьи и рыболовные петли, растяжки для самострелов, в отдельных случаях делались душки для емкостей, сшивались изделия из бересты и т. д. При этом отмечается прочность и долговечность этого материала, «...он не преет и быстро не высыхает» (Тюркские народы Сибири, 2006. С. 259) сети из него «...легки, крепки, быстро сохнут, мало преют и мало заметны в воде» (Серошевский, 1993. С. 288).

Для изготовления нитей и веревок использовался конский волос из хвоста и гри-

вы лошади. Хакасы, к примеру, сначала делали заготовки в виде скрученных в кольца прядей волос, концы которых смачивали и сращивали. Затем женщины ладонями скручивали длинные нити, из которых впоследствии и получались шнуры. Изготовлением из них арканов уже занимались мужчины (Бутанаев, 2002. С. 33).

Отмечены и другие, более простые способы получения тонких веревок из этого материала. Так тувинцы, делая рыболовную петлю, ссучивали на бедре из нескольких волосков «...нить длиной примерно 1 метр, складывали ее в два ряда и скручивали тонкую веревочку» (Даржа, 2008. С. 511).

Сухожилия животных. Являются самым распространенным сшивным, перевязочным и вязальным материалом, доступным всем коренным народам Сибири, в отличие, к примеру, от той же крапивы или конского волоса. Его популярность обусловлена, прежде всего, самым источником получения – охотой, которая была неотъемлемой частью любого хозяйственно-культурного типа. В основном используются нитки, получаемые из сухожилий лося, благородного и северного оленя (предпочтение при этом отводится спинным и ножным сухожилиям молодых особей), в отдельных случаях отмечены сухожилия козы, кабана (удэгейцы) и морских обитателей – тюленя и кита (чукчи, алеуты, коряки, керек и др.).

Задействованы практически во всех сферах хозяйства: из сухожильных ниток плетутся рыболовные сети, сачки и лески для удилищ, изготавливаются охотничьи сетки, петли, силки, пружины для капканов, тетивы для лука и самострела, аркан для оленя-манщика, этими же нитками сшиваются покрышки/полотнища чумов и байдар, шьется одежда и обувь, сшиваются элементы берестяных емкостей, крепятся к древкам наконечники стрел, укрепляются луки и т. д.

Заготавливался материал естественно во время разделки туши убитого животного. Примечательно, что процесс получения тонких нитей отчасти напоминает процесс получения волокна из крапивы. С еще сырых сухожилий удалялись остатки мышц,

Рис. 2. Сетчатые сумки, сплетенные из сухожильных нитей, для сбора клубней сараны:
 1 – тофалары, рисунок (Мельникова, 1994. С. 105–106. Рис. 67); 2 – тувинцы-тоджинцы, фото
 С.И. Вайнштейна, 1952 г. (Тюркские народы Восточной Сибири, 2008. С. 77, 98)

Fig. 2. Net-bags, made from tendinous threads, for picking up roots of sarana: 1 – Tofalars, drawing (Mel'nikova, 1994. Pp. 105–106. Fig. 67); Tuvinians-Todghinches, photo made by S.I. Vainshtein, 1952 (Turk Peoples of the Eastern Siberia, 2008. Pp. 77, 98)

после чего они либо отпаривались, либо сразу высушивались на открытом воздухе или в помещении. После подсушки пучки сухожилий разбивали деревянными колотушками или толкли в березовой ступе, отделяя от них тонкие волокна, из которых собственно и получали нити и шнуры необходимой длины (ссучивали на бедре, на щеке, большим и указательным пальцами руки и т. п.). При этом нередко в целях придания им эластичности сухожильные волокна (или тонкие нити) жевали, пропускали через зубы или смачивали слюной. Хранили обычно такой материал в виде пучков готовых ниток либо в виде цельных нерасщепленных сухожилий (История и культура эвенков, 1997. С. 75; Народы Западной Сибири, 2005. С. 509; Бадмаев, 2005. С. 45; Тюркские народы Сибири, 2006. С. 145; История и культура дальневосточных эвенков, 2010. С. 218; История и культура негидальцев, 2013. С. 89).

Особый интерес в рамках нашего исследования представляют мелкоячеистые сетчатые сумки для сбора клубней сараны, отмеченные у тофаларов (Мельникова, 1994. С. 105–106. Рис. 67), тувинцев-тоджинцев (Тюркские народы Восточной Сибири, 2008. С. 77, 98) и, по неподтвержденным данным, у хакасов (рис. 2). Это небольшие по размеру сумки, сплетенные во всех случаях из сухожильных ниток, которые носили обычно, надев через плечо. Принцип использования такой сумки был элементарно прост: выкопанные клубни сараны клали в этот сетчатый мешочек, при

ходьбе остававшаяся на корнях земля осыпалась через мелкую сетку (принцип сита). Таким образом, эта сумка выполняла несколько функций: емкостную, просеивающую и подсушивающую (!).

Обсуждение

Теперь с оглядкой на таблицу предстоит выяснить, какие из приведенных в ней природных материалов наиболее возможно использовались в изготовлении сетчатых и шнуровых структур, привлекаемых древними насельниками Прибайкалья для производства глиняной посуды.

Как видно из таблицы, в основном одни и те же материалы использовались для создания как сетчатых, так и шнуровых структур, используемых коренными народами Сибири как технические средства в охоте, рыболовстве и собирательстве. Однако не из всех материалов можно было получить мелкоячеистую сетку и тонкую веревку. Кроме того, отмечены и некоторые территориальные ограничения.

Например, кендырные нити, которые упоминаются как материал для вязки рыболовных сетей, естественно использовались и для изготовления тонких веревок, но применялись они народами юга Западной Сибири. Далее на восток от Саяно-Алтая их использование сибирскими этносами не прослеживается – в этнографической литературе они не упоминаются.

Кожа морского и копытного животного в основном шла на ремни (лоскутная форма), изготовление шнуровых структур

встречается не так часто (арканы, тетивы и т. п.), еще реже отмечено изготовление сетчатой структуры (рыболовные сети). Но и это не самое главное. Во-первых, свить тонкую веревку или сплести мелкоячеистую сетку, скорее всего, не получится – придется повозиться, поскольку сам материал достаточно толстый. Во-вторых, нарезка кожи на тонкие ремешки – процесс гипотетически трудоемкий и потому бесперспективный, особенно учитывая тот факт, что народам, использующим кожу копытного или морского животного, были естественно доступны сухожильные нити. И, в-третьих, намокая, кожа становится тяжелой, что не раз отмечалось в этнографической литературе, да и так, в принципе, известно. Представить лопатку-колотушку с намотанными на нее кожаными шнурами достаточно сложно – она будет очень тяжелой и неудобной в работе.

В отличие от кожи животных кожа рыб выглядит более выигрышной: она тонкая и влагонепроницаемая. Выявить какую-либо сетчатую структуру у народов Приамурья и Приморья нам не удалось. Использование ее в качестве сшивного материала дает лишь незначительное основание предполагать о наличии тонких веревок, но и эти структуры проследить крайне сложно. Однако отдельного внимания заслуживает факт использования этого материала тувинцами-степняками (Даржа, 2008. С. 31–32).

Корни деревьев, как это было сказано выше, в основном упоминаются как сшивной, перевязочный и поделочный материал. В шнуровой форме изделия из него встречаются крайне редко – нами, к примеру, отмечены дважды (Народы Западной Сибири, 2005. С. 322; Доржа, 2008. С. 443). Наличие в хозяйстве народов Сибири каких-либо сетчатых структур, сделанных из корня дерева, вообще не встречено, что в принципе и так понятно – связать сетку (особенно мелкоячеистую) из этого материала практически невозможно.

Однако формам корзин, сплетенных из корня дерева, стоило бы уделить отдельное внимание, поскольку, работая над статьей, автору приходилось наблюдать довольно интересные формы плетеных емко-

стей, которые в ретроспективе вполне могли выступать в качестве форм-основ для формовки неолитических сосудов (!).

В этой связи, конечно, нельзя обойти стороной самую первую из известных сегодня концепций, раскрывающих некоторые вопросы формовки сосудов хайтинского типа. Напомним, по мнению авторов статьи, «сосуды изготовлялись на специально изготовленном плетеном каркасе...», следы которого впоследствии фиксируются археологом на внутренних стенках емкостей (Игумнова, Савельев, Спиридонова, 2005. С. 26). Не возвращаясь детально к дискуссии по этой теме, зададимся другим вопросом: «А может быть и не было никакого специально изготовленного каркаса, а в качестве форм-основ были задействованы и без того используемые в хозяйстве плетеные (из корня дерева) емкости, скажем, пришедшие в негодность, но способные подарить жизнь керамическим горшкам?»

Кора деревьев (черемуховое и тальниковое лыко) – в отличие от вышеобозначенных материалов и даже несмотря на то, что упоминается не так часто – достаточно не однозначный природный материал. Изготовление из него мелкоячеистой сетки, может быть, и невозможно, но наличие всевозможных веревок, в том числе и тонких – подтверждено этнографическими данными. Поэтому исключать его из предполагаемых материалов (в качестве шнура) пока преждевременно.

В тройку самых популярных и широко используемых практически во всех сферах хозяйства природных материалов вошли конский волос, крапива (или конопля) и сухожилия.

Конский волос как материал для производства всевозможных шнуровых структур в Предбайкалье, скорее всего, стал широко использоваться с эпохи поздней бронзы – с приходом на берега Байкала носителей культуры плиточных могил, для которых скотоводство являлось преобладающей формой хозяйства (Туркин, 2003). При этом надо отметить, что на некоторых сосудах сеногдинского типа ранее автором уже отмечались оттиски шнура, напоминающие по своей структуре тонкую веревку, свитую из отдельных волосков (Кичигин, 2013).

С. 282). Однако следует признать, что такой характер оттисков отмечен далеко не на всех сеногдинских сосудах, т. е. помимо веревок, сделанных из конского волоса (?), скорее всего, использовались и другие подручные шнуры из других известных материалов (та же крапива или сухожилия).

Опять же было бы ошибочно полагать, что конский волос, как довольно качественный материал, не попадал на территорию Предбайкалья раньше позднего бронзового века. Вполне возможно, что он выменивался у степняков на интересующие их товары таежного производства еще в раннем бронзовом веке. Также не стоит выпускать из вида и возможность получения конского волоса от дикой лошади в еще более раннее время. И все же использование именно этого материала для изготовления сетчатых и шнуровых структур, отмечаемых на прибайкальской древней керамике в эпоху неолита, пока стоит поставить под большой вопрос.

Вероятность использования крапивных (или конопляных) нитей в изготовлении интересующих нас структур (сетка-плетенка и шнур) довольно высока. Однако не надо забывать и, наверное, стоит это особо отметить и учесть на будущее, что одни и те же структуры, связанные или свитые из крапивных нитей, при экспериментальных работах на керамическом материале, скорее всего, дадут совершенно разные результаты. И будет это зависеть, прежде всего, оттого, будут ли использованы просто крапивные нити или нити, пропитанные влагоотталкивающим веществом (смола, кровь, жир и т. п.), специально обработанные. Вот здесь, скорее всего, исследователю придется столкнуться с целой серией экспериментальных подборок.

Сухожилия копытных животных – самый популярный природный материал, используемый всеми коренными народами Сибири для изготовления всевозможных шнуров, и, надо отметить, единственный из всех привлеченных в нашем исследовании, в комплексе изделий из которого удалось выявить сходные мелкоячеистые сетчатые структуры – сумки для сбора клубней сараны у тофаларов и тувинцев-тодджинцев (Мельникова, 1994. С. 105–106. Рис. 67;

Тюркские народы Восточной Сибири, 2008, С. 77, 98). В данном случае следует признать явное соответствие формы (мелкоячеистой емкости) содержанию (для сбора кореньев). Учитывая огромную популярность у коренных народов Сибири среди дикоросов клубней сараны, а также очевидно большую роль собирательства в раннем неолите, немаловажно предположить о наличии подобных практичных сумок у населения Северо-Восточной Азии и в далеком прошлом.

Из всех имеющихся на сегодняшний день концепций, так или иначе раскрывающих происхождение оттисков сетки-плетенки на прибайкальской керамике, наиболее предпочтительной, конечно, выглядит версия А.П. Окладникова. Использование сетчатой структуры исаковскими гончарами исследователь видел в роли прокладки между телом сосуда и формой-основой, в качестве которой могли выступать либо плетеная емкость, либо вырытая в земле ямка (1950, С. 170–171).

При этом, приводя этнографические аналогии главным образом из Северной Америки и Австралии, А.П. Окладников полагал, что, скорее всего, подобные охотничьи сетчатые сумки использовались в неолите Прибайкалья, которые и могли играть роль той самой прокладки в процессе изготовления горшка. Надо полагать, что если бы ученому в его время были доступны современные этнографические материалы (хотя бы по тофаларам и тувинцам-тодджинцам), то, возможно, приводить отдаленные аналогии и вовсе не пришлось. Самое интересное, что возможность выявления подобных сетчатых структур в этнографии Сибири он предполагал:

«Нужно надеяться, что специальное технологическое исследование древнейшей керамики из Восточной Сибири, наряду с новыми этнографическими сравнительными данными, позволит окончательно выяснить и этот вопрос, существенный для понимания неолитической керамики Сибири» (Окладников, 1950. С. 171).

В этой связи отдельного внимания также заслуживают емкостные изделия у алеутов, по форме напоминающие простую открытую форму горшка, но сплетенные из

другого, можно сказать, местного природного материала – колосняка (*Leymus mollis*) (www.kunstkamera.ru). Вполне возможно, что целенаправленный поиск похожих сетчатых емкостей, а, самое главное, отдельное исследование этого вопроса в конечном итоге приведут археолога к весьма интересным результатам и выводам.

В поддержку концепции использования подобных сумок в качестве прокладок между телом будущего горшка и формой-основой стоит обозначить одно интересное наблюдение.

Примечательно, что для керамики устьбельского типа Прибайкалья (6,6–4,1 тыс. л. н.), следующей по времени за ранней «сетчатой» и «шнуровой» керамикой хайтинского типа, характерна формовка сосудов на шаблоне, в роли которого выступал другой горшок (Бердников, 2013). Вот здесь, наверное, логично предположить, что *ИДЕЕ использования керамической емкости в качестве формы-основы для другой керамической емкости должна предшествовать ИДЕЯ использования какой-то другой емкости (?) в качестве формы-основы для будущей керамической емкости*. Может быть, в качестве какой-то другой как раз и выступала либо плетеная емкость (допустим из корня дерева), либо вырытая в земле ямка, а прокладкой между ними и будущим горшком была сетчатая сумка? Однако этот вопрос требует более детального рассмотрения и в рамках уже другой тематической статьи.

В конечном итоге – по результатам исследования – сухожильные нити следует признать наиболее перспективным природным материалом, задействованным в изготовлении как сетчатых, так и шнуровых структур, отмечаемых нами на древней керамики Прибайкалья. Высказанное в свое время В.В. Свиным (2000. С. 139, 142) предположение сегодня выглядит еще более основательным – теперь оно, так или иначе, подкреплено этнографическими материалами.

Заключение

Таким образом, поверхностный разбор материалов этнографии Сибири позволил разрешить две основные задачи, стоящие

перед автором в самом начале исследования, и даже немного больше.

Первая из них была сформулирована следующим образом: «возможно ли выведение оттисков нитей шнура и сетки-плетенки на древней керамике Прибайкалья в качестве маркера культурной общности (к примеру, изготовлялся тот или иной горшок насельниками тайги или степи)?» К сожалению, следует констатировать, что ответ будет отрицательным, поскольку одни и те же материалы, пригодные для изготовления сеток и шнуров, использовались в разных сферах хозяйства и разными народами, даже теми, которые не имели собственной возможности получения интересных их материалов (например, конский волос) – они просто приобретались ими в результате натурального обмена, который по материалам этнографии происходил довольно часто. Немаловажно отметить и тот факт, что одним этносом, как правило, была задействована вся палитра известных ему природных материалов: и крапива, и конский волос, и сухожилия, и др.

Вторая задача заключалась в выявлении наиболее подходящих для изготовления сетчатых и шнуровых структур природных материалов, которые впоследствии могли бы участвовать в экспериментальных работах. Так, к примеру, для неолитической «сетчатой» (самой ранней) и «шнуровой» (хайтинского типа, 7,8–6,5 тыс. л. н.) керамики Прибайкалья автор, в первую очередь, предпочел бы в эксперименте использовать сухожильные и крапивные нити. При этом последние стоило бы дополнительно обработать различными влагоотталкивающими веществами (смола, кровь, жир и т. п.). Во вторую очередь (только для керамики хайтинского типа) – уделит внимание таким природным материалам как кора деревьев (черемуха и ива) и рыба кожа. Для определений нитей шнура керамики сеногдинского типа (3,1–2,1 тыс. л. н.) предпочел бы в эксперименте сухожилия, крапиву (или коноплю) и конский волос. Тем более что подобные оттиски последнего из них уже были нами отмечены ранее (Кичигин, 2013. С. 282).

Статья поступила 05.04.2016 г.

Библиографический список

- Агапитов Н.Н. Следы каменного века в бассейне реки Куды и по р. Унге // Известия ВСОРГО. 1882. Т. 12. № 4, 5. С. 23–25.
- Бадмаев А.А. Традиционная утварь бурят в XIX – начале XX в.: технологический и мировоззренческий аспекты (к проблеме этнокультурных контактов). Новосибирск, 2005. 204 с.
- Бельгибаев Е.А. Традиционное рыболовство туба // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы международной научно-практической конференции. Барнаул, 2005. Вып. 6. С. 71–73.
- Бердников И.М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Известия Иркутского государственного университета / Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2013. № 1 (2). С. 203–229.
- Бердников И.М., Лохов Д.Н. Сетчатая керамика аплинского типа // Известия Иркутского государственного университета / Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2013. № 2. С. 72–83.
- Бортвин Н.Н. Из области древней сибирской керамики // Зап. отд-ния рус. и славян. археол. Рус. археол. о-ва. 1915. Т. 2.
- Буряты / отв. ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2004. 633 с.
- Бутанаев В.Я. Социально-экономическая история Хонгорая (Хакасии) в XIX – начале XX вв. Изд. второе, доп. и исправ. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2002. 212 с.
- Даржа В.К. Традиционные мужские занятия тувинцев. Том I: Хозяйство. Охота. Рыбалка. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2008. 592 с.
- Игумнова Е.С., Савельев Н.А., Спиридонова Ю.В. Керамика «хайтинского типа» Мишелевского геоархеологического комплекса // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества северной Азии в историческом прошлом и современности: материалы I (XLV) Рос. с междунар. участием археол. и этнограф. конф. студентов и молод. ученых (РАЭСК-XLV) (Иркутск, 12–16 апр. 2005 г.). Иркутск: Радиан, 2005. С. 25–26.
- Иохельсон В.И. Коряки. Материальная культура и социальная организация / пер. с англ. отв. ред. Ч.М. Таксами. СПб., 1997. 237 с.
- История и культура дальневосточных эвенков: историко-этнографические очерки / отв. ред. В.А. Тураев; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. СПб: Наука, 2010. 334 с.
- История и культура ительменов: историко-этнографические очерки / под ред. ак. А.И. Крушанова. Л.: Наука, 1990. 208 с.
- История и культура коряков / под общ. ред. ак. А.И. Крушанова. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
- История и культура негидальцев: историко-этнографические очерки. Владивосток: Дальнаука, 2013. 350 с.
- История и культура орочей: историко-этнографические очерки. СПб: Наука, 2001. 176 с.
- История и культура удэгейцев / под ред. А.И. Крушанова. Л.: Наука, 1989. 192 с.
- История и культура эвенов: историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 1997. 182 с.
- Кичигин Д.Е. Керамика с оттисками шнура западного побережья озера Байкал: некоторые вопросы формовки сосудов // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2014. № 4 (13). С. 27–44.
- Кичигин Д.Е. Керамика сеногдинского типа стоянки Балтаханова III (северо-западное побережье Байкала) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы IV Междунар. науч. конф. (Чита, 13–19 сент. 2013 г.). Чита, 2013. Ч. I. С. 279–283.
- Леонтьев В.В. Этнография и фольклор кереков. М., 1983. 130 с.
- Мельникова Л.В. Тофы: Историко-этнографический очерк / отв. ред. В.В. Свинин. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994. 304 с.
- Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганаса-

ны. Кеты / отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Институт археологии и этнографии СО РАН. М.: Наука, 2005. 805 с.

Народы Северо-Востока Сибири / отв. ред. Е.П. Батьянова, В.А. Тураев; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. М.: Наука, 2010. 773 с.

Народы Сибири / под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1084 с.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч.1, 2. 412 с. (МИА. № 18).

Петри Б.Э. Неолитические находки на берегу Байкала. Предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан-Хада: сб. / МАЭ АН. 1916. Т. 3. С. 113–132.

Петри Б.Э. Сибирский неолит // Изв. БГНИИ при Иркут. ун-те. 1926. Т.3. Вып. 6. С. 39–75.

Савельев Н.А. Неолит юга Средней Сибири: (история основных идей и современное состояние проблемы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 25 с.

Свинин В.В. Исследования древней керамики Прибайкалья // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск: Изд-во Иркут. пед. ун-та, 2000. Вып. 2. Ч. 2. С. 128–145.

Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М., 1993. 736 с.

Смоляк А.В. Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1966. 292 с.

Туркин Г.В. Лесостепное Предбайкалье в кон. II–I тыс. до н. э. (по материалам погребально-поминальных комплексов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2003. 24 с.

Тюркские народы Восточной Сибири / отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Алексеев; сост. Д.А. Функ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2008. 422 с.

Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН. М.: Наука, 2006. 678 с.

Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Вып. 3. С. 198–215.

Хлобыстин Л.П. Древние культуры побережья озера Байкал (каменный и бронзовый века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1964. 18 с.

Якуты (Саха) / отв. ред. Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. М.: Наука, 2012. 599 с.

www.kunstkamera.ru

References

Abaeva L.L., Zhukovskaya N.L. *Buryaty*. Moscow, Nauka Publ, 2004. 633 p.

Agapitov N.N. *Sledy kamennogo veka v basseine reki Kuda i po r. Unge* [Traces of Stone Age in the valleys of Kuda River and Unga River]. *Izvestiya VSORGO* [Reports of the VSORGO]. 1882. Vol.12. No. 4, 5. Pp. 23–25.

Alekseev N.A. *Yakuty (Sakha)* [Yakuts (Sakha)]. Moscow, Nauka Publ, 2012. 599 p.

Badmaev A.A. *Traditsionnaya utvar' buryat v XIX – nachale XX v.: tekhnologicheskii i mirovozzrencheskii aspekty (k probleme etnokul'turnykh kontaktov)* [Traditional utensil of Buryats in XIX – beginning of

XX cen.: technological and mental aspects (to the problem of ethno-cultural contacts)]. Novosibirsk, 2005. 204 p.

Bat'yanova E.P. *Narody Severo-Vostoka Sibiri* [Peoples of the North-Eastern Siberia]. Moscow, Nauka Publ, 2010. 773 p.

Bel'gibaev E.A. *Traditsionnoe rybolovstvo tuba* [Traditional fishing of Tuba]. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Ethnography of Altai and surrounding areas: proceedings of international scientific-practice conference]. Barnaul, 2005. Ussue 6. Pp. 71–73.

Berdnikov I.M. *Klyuchevye aspekty istoriko-kul'turnykh protsessov na yuge Srednei Sibiri v epokhu neolita (po materialam keramicheskikh kompleksov)* [Key aspects of historic-cultural processes in the South of Middle Siberia (based on the data of pottery complexes)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta: Seriya "Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya"* [Reports of Irkutsk State University: Series "Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology"]. 2013. No. 1 (2). Pp. 203–229.

Berdnikov I.M., Lokhov D.N. *Setchataya keramika aplinskogo tipa* [Net-pottery of the Applinsky Type]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta: Seriya "Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya"* [Reports of Irkutsk State University: Series "Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology"]. 2013. No. 2. Pp. 72–83.

Bortvin N.N. *Iz oblasti drevnei sibirskoi keramiki* [From the area of ancient pottery]. *Zap. otd-niya rus. i slavyan. arkheol. Rus. arkheol. o-va*. 1915. Vol. 2.

Butanaev V.Ya. *Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Khongoraya (Khakasii) v XIX – nachale XX v.* [Social-economic history of Khongoraya (Khakasia) in XIX – beginning of XX cen.]. Abakan, *Izd-vo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova*, 2002. 212 p.

Darzha V.K. *Traditsionnye muzhskie zanyatiya tuvintsev. Vol. I: Khozyai-stvo. Okhota. Rybalka* [Traditional male affairs]. Kyzyl: *Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ*, 2008. 592 p.

Funk D.A. *Tyurskie narody Sibiri* [Turk peoples of the Siberia]. Moscow, Nauka Publ, 2006. 678 p.

Funk D.A. *Tyurskie narody Vostochnoi Sibiri*. [Turk peoples of the Eastern Siberia]. Moscow, Nauka Publ, 2008. 422 p.

Gemuev I.N. *Narody Zapadnoi Sibiri: Khanty. Mansi. Sel'kupy. Nentsy. Entsy. Nganasany. Kety* [Peoples of Western Siberia: Khanty. Mansi. Sel'kupy. Nentsy. Entsy. Nganasany. Kety]. Moscow, Nauka Publ, 2005. 805 p.

Igumnova E.S., Savel'ev N.A., Spiridonova Yu.V. *Keramika "khaitin-skogo tipa" Mischevskogo geoarkheologicheskogo kompleksa* [Pottery of "Khaitinsky Type" of Mis-

helevka geoarchaeological complex]. *Istoki, formirovaniye i razvitiye evraziiskoi polikul'turnosti. Kul'tury i obshchestva severnoi Azii v istoricheskom proshlom i sovremennosti: materialy I (XLV) Ros. s mezhdunar. uchastiem arkheol. i etnograf. konf. studentov i molod. uchenykh (RAESK-XLV) (Irkutsk, 12–16 apr. 2005 g.)* [Sources, origin and development of Eurasian political culture. Cultures and communities of the Northern Asia in historical past and today: proceedings of I (XVL) Russian International Archaeological – Ethnographical Conference of the students and young scholars (RAECS-XLV) (Irkutsk, April, 12–16, 2005)] of Irkutsk, Radian Publ, 2005. Pp. 25–26.

Iokhel'son V.I. *Koryaki. Material'naya kul'tura i sotsial'naya organizatsiya* [Koryaks. Material culture and social organization]. St. Petersburg, 1997. 237 p.

Istoriya i kul'tura evenov: istoriko-etnograficheskie ocherki [History and culture of Evens: historical-cultural sketches]. St. Petersburg, Nauka Publ, 1997. 182 p.

Istoriya i kul'tura negidal'tsev: istoriko-etnograficheskie ocherki [History and culture of Negidal'tses: historical-cultural sketches]. Vladivostok, Dal'nauka Publ, 2013. 350 p.

Istoriya i kul'tura orochei: istoriko-etnograficheskie ocherki. [History and culture of Orochens: historical-cultural sketches]. St. Petersburg, Nauka Publ, 2001. 176 p.

Kharinskii A.V. *Zapadnoye poberezh'e ozera Baikal v I tys. do n. e. – I tys. n. e. Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [West Coast of Lake Baikal in I millenia BC – I millenia AC in Reports of the Laboratory Ancient Technologies]. Irkutsk, IrGTU Publ, 2005. Issue 3. Pp. 198–215.

Khlobystin L.P. *Drevnie kul'tury poberezh'ya ozera Baikal (kamennyi i bronzovyi veka)* [Ancient cultures of the coast of Lake Baikal (Stone and Bronze Ages): Thesis of PhD]. Leningrad, 1964. 18 p.

Kichigin D.E. *Keramika s ottiskami shnura zapadnogo poberezh'ya ozera Baikal: nekotorye voprosy formovki sosudov* [Pottery with the cord-inprints from the Western Coast of Lake Baikal: some questions about forming the vessels]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*. Irkutsk, IrGTU Publ, 2014. No. 4 (13). Pp. 27–44.

Kichigin D.E. *Keramika senogdinskogo tipa stoyanki Baltakhanova III (se-vero-zapadnoe poberezh'e Baikala)* [Pottery of Senogdinsky Type from site Baltakhanova III]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. (Chita, 13–19 sent. 2013 g.).* [Ancient cultures of Mongolia and Baikalian Siberia: proceedings of the IV International Scientific Conference (Chita, September, 13–19, 2013)] Chita, 2013. Part I. Pp. 279–283.

Krushanova A.I. *Istoriya i kul'tura itel'menov: istoriko-etnograficheskie ocherki* [History and cultura of Itel'mens: historical-cultural sketches]. Leningrad, Nauka Publ, 1990. 208 p.

Krushanova A.I. *Istoriya i kul'tura koryakov* [History and culture of Koryaks]. St. Petersburg, Nauka Publ, 1993. 240 p.

Krushanova A.I. *Istoriya i kul'tura udegeitsev* [History and cultura of Udege]. Leningrad, Nauka Publ, 1989. 192 p.

Leont'ev V.V. *Etnografiya i fol'klor kerekov* [Ethnography and folklore of Kereks]. Moscow, 1983. 130 p.

Levina M.G. *Narody Sibiri* [Peoples of the Siberia]. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ, 1956. 1084 p.

Mel'nikova L.V. *Tofy: Istoriko-etnograficheskii ocherk* [Tofy: historical-ethnographic sketch]. Irkutsk. Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ, 1994. 304 p.

Okladnikov A.P. *Neolit i bronzovyi vek Pribaikal'ya*. [Neolithic and Bronze Age of Cis-Baikalia]. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ, 1950. Part 1, 2. 412 p. (MIA. No. 18).

Petri B.E. *Neoliticheskie nakhodki na beregu Baikala. Predvari-tel'noe soobshchenie o raskopkakh stoyanki Ulan-Khada: sb. MAE AN* [Neolithic findings on the coast of Lake

Baikal. Preliminary report of excavation of the site Ulan-Khada]. 1916. Vol. 3. Pp. 113–132.

Petri B.E. *Sibirskii neolit* [Siberian Neolithic]. *Izv. BGNII pri Irkut. un-te.* 1926. Vol. 3. Ussue 6. Pp. 39–75.

Savel'ev N.A. *Neolit yuga Srednei Sibiri: (istoriya osnovnykh idei i sovremennoe sostoyanie problemy)* [Neolithic of the South of Middle Siberia (History of the main ideas and state of the problem)]. Novosibirsk, 1989. 25 p.

Seroshevskii V.L. *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts. Experience of ethnographic research]. Moscow, 1993. 736 p.

Smolyak A.V. *Ul'chi. Khozyaistvo, kul'tura i byt v proshlom i nastoyashchem* [Ul'chi. Economy, culture and life in the past and today]. Moscow, Nauka Publ, 1966. 292 p.

Svinin V.V. *Issledovaniya drevnei keramiki Pribaikal'ya* [Researches of the ancient pottery of the Cis-Baikalia]. *Baikal'skaya Sibir' v drevnosti* [Baikalian Siberia in the Past]. Irkutsk, Izd-vo Irkut. ped. un-ta Publ, 2000. Ussue 2. Part 2. Pp. 128–145.

Turaev V.A. ; In-t istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN. *Istoriya i kul'tura dal'nevostochnykh evenkov: istoriko-etnograficheskie ocherki* [History and culture of Far Eastern Evenks: historical-cultural sketches]. St. Petersburg, Nauka Publ, 2010. 334 p.

Turkin G.V. *Lesostepnoe Predbaikal'e v kon. II–I tys. do n. e. (po materialam pogrebal'no-pominal'nykh kompleksov)* [Forest-steppe Cis-Baikalia in the end of II – I millenia BC (upon the data of burial-memorial complexes): Thesis of PhD]. Vladivostok, 2003. 24 p.

Сведения об авторе

Кичигин Дмитрий Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: kichkok@rambler.ru

Kichigin Dmitrij Yevgen'evich, PhD, associate-professor of the Department of history and philosophy, staff of the Laboratory of archaeology, paleoecology and subsistence of peoples of the Northern Asia, Irkutsk National Researching Technical University, ul. Lermontova, 83, Irkutsk, 664074, Russia, e-mail: kichkok@rambler.ru